

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«ЕСЛИ ЕСТЬ
ЧТО СКАЗАТЬ...»

Билеты на спектакли Оренбургского драматического театра имени Горького, в которых должен был выступить народный артист СССР Евгений Евстигнеев, были раскуплены в одно мгновение. Зрительское признание актера состоялось довольно давно и с тех пор неизменно.

— Каково же ваше, Евгений Александрович, отношение к популярности?

— Я — характерный актер, а не герой. Так что все нормально, поклонники по пятам за мной не бегают. Относятся с симпатией в основном люди пожилого возраста.

— Актер театра и кино, и на сцене и на экране вы сыграли много ролей. Какие из них самые любимые?

— Роль со временем эмоционально отходит от тебя. Сыграл и не думаешь о ней больше. Делашь нырок в память, чтобы она возникла. Кино еще помогает восстановить работу. Театр же уходит навсегда. Что пусто. Но закономерно. Что ж тут сделать?! Жаль, прошли, но и хорошо, что были «Голый король», «Два цвета», «Традиционный сбор», «На дне» в «Современнике». Этапные для «моих университетов» и основные спектакли, «сделавшие погоду» самому «Современнику».

Из сделанного в кино правится то же, что и публике, — «Семнадцать мгновений весны», «Золотой теленок», «Бег», «Верьте мне, люди», «Берегись автомобиля»...

— А как рождается актерская удача?

— Удивительные вещи происходят в искусстве. Иной раз стареешь — и ничего, безрезультатно, а то вдруг сделаешь «левой ногой» и — получилось.

Снимали сцену карточной игры в «Беге» в обстановке, когда я, мягко говоря, был больше озабочен бытовыми, чем творческими делами. Семья переезжала на дачу, не было машины, съемочная группа помогала с транспортом. В общих чертах мы с Михаилом Ульяновым сговорились, как и что. Снимались, импровизируя. Камера работала без перерыва. Сделали 21 дубль. Представляю, как режиссеры выбирали лучший, потому что в одном — одно хорошо, в другом — другое.

Меня часто спрашивают, как я «нашел» походку Плейшнера — героя «Семнадцати мгновений...». Вроде бы и не искал специально. Съемки начинались в Германии. Я там только ходил, в зоопарке, мимо знаменитых зданий... (Заговорил аж в Москве). И сразу пошел именно «плейшнеровской» походкой; видимо, она возникла где-то внутри, родилась из знания литературного материала, из «ображения, что трагическая гибель героя должна оттеняться юмористическим впечатлением».

А вот когда я прочитал сценарий «Повесть о неизвестном актере», то побежал к режиссеру: «Это мое. Это я все знаю». А фильм вышел так — никакой. Жизнь из него как будто выскочила. Я думал, буду сниматься в такой же комнатухе, в какой жил в начале своего актерского пути во Владимири, а постановщики понастроили хоромы... Вот так, все хотели сделать хорошо, а не получилось.

— А со спектаклем «Серебряная свадьба» по пьесе А. Мишарина, в котором вы играете роль Выборнова во МХАТе и здесь, у нас, получилось?

— Отношение мое к этому произведению достаточно негативно. Много претензий по линии пьесы, несмотря на то, что ее делали сами, то есть театр, с автором. Это я говорю потому, как я, актер, изнутри чувствую себя в этом спектакле. Разнообразие драматурга позволяет одному исполнителю существовать репризно, тогда как другой ищет глубины переживаний.

А роль в общем-то нравится. Как понравилась бы и любая роль, в которой человек сам себя бросает на суд, — это большое, это хочется сыграть. Выборнов критикует себя за прожитую жизнь, но переносит на других спрос.

— Время и театр — как складываются между ними отношения?

— «Современник» родился из конфликта с МХАТом той поры и с «омхачиванием» всего театра. Со многих сцен обрушивался на зрителя поток неправды. «Конфликт» спектаклей состоял в борьбе хорошего с прекрасным. Практика эта не устраивала молодых, только начинающих в искусстве. Актеры разных московских театров копошились по ночам, делая пьесу «Вечно живые» В. Розова. Нами двигало желание живой сегодняшней правды на сцене.

Театр стал рассказывать зрителю знакомые неожиданности, и тот принимал их удивительным образом: весь зал дышал одним дыханием, в восприятии спектаклей не было никакого разночтения.

Адекватность жизни — без этого театра вообще не может быть.

Мне кажется, что нынешнее время тоже требует найти новое качество художественной правды. Его пока не нашли, и порой театр просто сопрягает воздух, и шум вокруг какой-то постановки вовсе не тот шум, который нужен, которого хотелось бы, который возникает, когда люди узнают для себя что-то новое, что-то важное. Где найти ту подлинность, которую сегодня хотят увидеть люди, чем зацепить зрителя — забота художника. А как угадать, что необходимо? Это под разумеется размышления, интеллектуальный труд, боль чувств. Если не волнуешься сам не угадася никогда. Если волнуешься, начинаешь понимать, что же необходимо.

— А в чем, Евгений Александрович, видится вам назначение актера?

— С возрастом (а родился я давно) многое отлетает и кажется совсем неглавным. Много было переиграно (даже и усы были на лбу), и вот приходишь к убеждению, что ничего придумывать и не надо. Я высказываю, разумеется, субъективное мнение. Чтобы получить отклик зрителя, нужно, оказывается (и роль в конце концов есть повод), говорить о себе, если есть что сказать.

Нельзя считать актера просто лицедеем, умеющим что-то такое представить на сцене. Это профессиональное, ремесленное, обязательное умение. Момент истины в другом — в разговоре со зрительным залом по душам. Раз пять, чтобы без преувеличений, в моей практике случалось такое. В современниковском спектакле «На дне» иногда бывали такие моменты, которые не могу выразить словами, когда я мог молчать на сцене полторы минуты. Возникла как бы «вольтова дуга». К сожалению, бывает это очень редко, но это — счастье.

— Какая новая работа вам предстоит?

— Во МХАТе занят в спектакле, который ставит О. Н. Ефремов по пьесе М. Рошинг «Перламутровая Зинаида» и новой пьесе В. Арро. Читаю много сценариев, но пока еще не знаю, где буду сниматься.

Интервью взяла Т. ТЕКУТЬЕВА.